



Из исторіи освобожденія русских плѣнныхъ изъ Хивы

(Изъ архива Оренбургской ученой архивной комиссіи).

Письмо московскаго генераль-губернатора, князя Д. В. Голицына, къ оренбургскому военному губернатору В. А. Перовскому.

Милостивый Государь,

Василій Алексѣевичъ.

Начинаю извиненіемъ, что по разнообразнымъ моимъ занятіямъ замедлилъ благодарить Ваше Превосходительство за пріятное извѣщеніе Ваше отъ 21-го Сентября, доставившее мнѣ душевное удовольствіе тѣмъ, что надежды и предположенія Ваши относительно освобожденія множества Русскихъ невольниковъ, скорбящихъ въ Хивѣ по утраченной отчизнѣ, приняли нынѣ желаемый оборотъ, и что Ханъ, собравъ плѣнниковъ нашихъ, отправляетъ ихъ въ Оренбургъ съ Бухарскими караванами.

Послѣ сего я остаюсь въ пріятной надеждѣ, что и другое предположеніе Вашего Превосходительства о измѣненіи сношеній нашихъ съ Хивою увѣнчается таковымъ же успѣхомъ: Ваша патріотическая готовность, Ваши непрерывныя попеченія въ краѣ, Вамъ ввѣренномъ, и самая довѣренность къ Вамъ Царя, конечно, заставитъ Хана почувствовать силу Россійскаго Императора.

Если свободное время отъ Вашихъ занятій позволить, то Ваше Превосходительство много бы меня одолжило извѣстіемъ о томъ, какъ велико число Русскихъ плѣнниковъ, изъ Хивы возвращенныхъ*), и

*) Въ 1837 году было возвращено изъ Хивы 25 человекъ русскихъ плѣнныхъ, въ 1839 году—80 человекъ, а въ 1840 году—болѣе 500 человекъ.—С. Н. М.

можно ли надѣяться, что сіе мѣсто не будетъ болѣе рынкомъ для продажи несчастныхъ нашихъ соотечественниковъ.

Съ чувствами душевнаго уваженія и истинной преданности имѣю честь быть

Вашего Превосходительства .

Покорнѣйшій Слуга

Князь Дмитрій Голицынъ.

26 Ноября 1837 года.
Москва.

Архивъ Оренбургской уч. арх. комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 10 Ноября 1837 года, стр. 73/1).

Показанія русскихъ плѣнныхъ, возвращенныхъ изъ Хивы въ 1837 году.

1) Василиій Матвѣевъ, сынъ Ильинъ, отъ роду 67 лѣтъ, крестьянинъ помѣщика Нижегородской губерніи, Горбатовскаго уѣзда, Сергѣя Васильевича Шереметева, исповѣданія православнаго Грекороссійскаго, подъ судомъ и наказанъ не былъ.

Въ плѣнъ я былъ взятъ 15 Августа 1834 года, на Каспійскомъ морѣ, разстояніемъ отъ Астраханскихъ черней*) верстахъ въ 60, гдѣ я находился для рыболовства на суднѣ одного со мною господина крестьянина Антова Петрова сына Гоняева, вмѣстѣ съ нимъ и еще тремя работниками: Лукьяномъ Ѳоминымъ одного же со мною господина, Яковомъ и Михаиломъ. Эти двое послѣдніе были такъ же крестьяне, но какихъ господъ и какъ звали по отчеству и какъ прозывались, не помню. Плѣнители наши были 6 человекъ Хивинцевъ и 13 человекъ Туркменцевъ, которые по взятіи насъ въ плѣнъ потопили судно и повезли насъ къ Югу отъ Мангишлака, гдѣ приставъ къ берегу, повезли насъ въ аулы, расположенные отъ моря верстахъ въ 10. Въ аулѣ этомъ находились русскіе плѣнники, взятые прежде насъ, а нѣкоторыхъ привезли послѣ насъ, всего же собрано было до 80 человекъ, съ которыми плѣнители наши и другіе товарищи ихъ чрезъ недѣлю повезли насъ по дорогѣ къ Хивѣ, продавая плѣнныхъ выѣзжавшимъ имъ на встрѣчу Хивинцамъ; до города же Хивы довели только меня и Якова. Именъ плѣнителей моихъ я не знаю.

*) Т. е. отъ береговъ.—С. Н. М.

Въ Хивѣ меня и Якова продавали на базарѣ три дня, и наконецъ купилъ меня за 25 золотыхъ монетъ Хивинецъ Курбанъ Нязъ-Бай Клычбаевъ, житель мѣстечка Анбара, куда онъ меня и увезъ. Яковъ же остался послѣ меня непроданнымъ и кому онъ достался я не знаю.

У купившаго меня Хивинца жилъ я до самаго освобожденія меня посланцемъ Кабылбаемъ, который меня выкупилъ у хозяина, заплативъ 26 золотыхъ же Хивинскихъ монетъ изъ данныхъ ему отъ Хана денегъ.

2) Иванъ Петровъ Рязановъ, отъ роду имѣю 30 лѣтъ, крестьянинъ помѣщика Пензенской губерніи, Нижне-Домовскаго уѣзда, князя Василя Васильевича Долгорукова, вѣроисповѣданія православнаго Грекороссійскаго, грамотѣ не знаю, подъ судомъ и наказанъ не бывалъ.

Назадъ тому четыре года (весною 1733 года) находясь съ хозяиномъ моимъ Астраханскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Тимоѣевымъ Голубевымъ и тремя товарищами, крестьянами Пензенской же губерніи: Василюмъ Медвѣдевымъ, Игнатіемъ и Климомъ, по прозванію неизвѣстными, для рыболовства на Каспійскомъ морѣ, достигнуты были мы 70-ю человѣками Трухменцевъ, изъ которыхъ помню одного, называемаго Миллякъ, которые, напавъ на насъ и ранивъ меня выстрѣломъ изъ ружья въ правую руку, гдѣ и понынѣ имѣю знакъ, связали насъ и увели въ Тюкъ-Караганскія горы. Проживъ въ горахъ около двухъ мѣсяцевъ, гдѣ занимался паствою (sic) скота, я бѣжалъ, надѣясь спастись въ Ново-Александровскомъ укрѣпленіи, которое тогда основывалось*), но не дошедъ до него за два дня хода, былъ снова схваченъ Киргизами и опять отвезенъ въ горы, откуда въ скоромъ времени былъ проданъ въ Хиву и подаренъ Хану. Бывшій хозяинъ мой Голубевъ былъ проданъ неизвѣстно за какую сумму племяннику Хана Юсуфъ-Беку. Товарищи мои: Василій былъ вмѣстѣ со мною подаренъ Хану; Игнатій находился вмѣстѣ съ Голубевымъ у Юсуфъ-Бека, а о Климѣ ничего не знаю со времени вывоза нашего изъ горъ. Во время четырехъ-лѣтняго плѣну я занимался тяжелыми работами, какъ-то: перевозкою земли, землепашествомъ и очищеніемъ дворовъ. Въ Сентябрѣ ~~всего~~ (1837) года былъ я освобожденъ приказчикомъ Хана Ходжи-баси и отведенъ въ гостиный дворъ (въ караванъ-сарай), гдѣ съ 6-ю моими товарищами, находившимися такъ же въ услугахъ Хана, вмѣстѣ со мною освобожденными, находился двѣ недѣли подъ карауломъ и

*) Въ заливѣ Куйдакъ, на урочищѣ Кизиль-Ташъ (красный камень).—С. Н. М.

потомъ былъ отданъ посланцу Кабылеву, который съ караваномъ доставилъ меня сюда (въ Оренбургъ).

Подъ карауломъ насъ содержали для того, чтобы прочіе Русскіе плѣнники не узнали объ отравленіи насъ въ Россію и не могли бы послать съ нами писемъ или дать изустныхъ порученій, почему насъ и вывели ночью.

3) Константинъ Прововъ Бубновъ, отъ роду 50 лѣтъ, Астраханскій мѣщанинъ, подъ судомъ и въ штрафахъ не бывалъ, исповѣданія Грекороссійскаго православнаго, грамотъ читать и писать умѣю.

Въ плѣнъ былъ я взятъ въ 1830 году Сентября 12 числа съ Каспійскаго моря, на которомъ производилъ рыболовство на семисаженной глубинѣ, отъ Гурьева городка дня на полтора ѣзды, вмѣстѣ съ Астраханскимъ мѣщаниномъ Иваномъ Силантьевымъ (который въ 1834 году въ плѣну померъ) бывшими у насъ рабочими людьми: Астраханскими же мѣщанами — 1) Архипомъ Григорьевымъ, 2) Алексѣемъ Григорьевымъ Коробовымъ, 3) Иваномъ Григорьевымъ Булыгинимъ, 4) Саратовскимъ мѣщаниномъ Алексѣемъ Григорьевымъ Масловымъ и крестьянами помѣщичьими — 5) Сергѣемъ Алексѣевымъ, 6) Михаиломъ Михѣевымъ, 7) Егоромъ Степановымъ и 8) Терентьемъ Егоровымъ.

Плѣнители наши были Киргизы (неизвѣстно какого рода) 60 человекъ, напавшіе на насъ ночью въ трехъ лодкахъ и при защитѣ нашей отъ нихъ убившіе изъ насъ тогда же Терентья Егорова. По захватѣ насъ хищники, судно наше привели на мель, сожгли, а находившуюся на ономъ наловленную рыбу 2300 севрюгъ и приготовленную икру 110 пудовъ, клею 3 пуда 10 фунтовъ, такъ же рыболовныя снасти бросили въ море, а съѣстные запасы взяли себѣ и привезли насъ въ свои аулы, бывшіе на Трухменскомъ кряжѣ *) и тамъ раздѣлили. Я достался Киргизу Амамбаю, который продержавъ меня у себя 42 дня, отвезъ въ городъ Гурлянъ и продалъ Хивинцу Тюлебаю за 40 хивинскихъ червонцевъ и за 3 халата, а товарищи мои остались у Киргизовъ, изъ коихъ послѣ одного — Архипа Григорьева видѣлъ я въ городѣ Кади, проданнаго Хивинцу, имя коего не знаю, объ Алексѣѣ Григорьевѣ Масловѣ и Михайлѣ Михѣевѣ слышалъ, что они бѣжали въ Бухарію и живутъ тамъ у Хана; прочіе же гдѣ находятся никакого свѣдѣнія не имѣю. У Хивинца Тюлебая я проживалъ все прошедшее время, а нынѣ предъ отправленіемъ сюда (въ Оренбургъ) Хивинскаго

*) Кряжъ — материкъ земли, никогда не заливаемый полой водой. — С. Н. М.

каравана выкупленъ отъ него посланцемъ Кабылбаемъ на Ханскіе деньги за 25 червонцевъ и приведенъ былъ прямо въ караванъ, сбиравшійся близъ мѣстечка Ташауза, на степи, а на другой день отправились въ путь. При отпускѣ меня Хивинецъ Тюлебай отобралъ бывшія у меня въ должныхъ мнѣ нѣкоторыми Хивинцами деньгахъ росписки всего на 31 червонецъ.

4) Василій Ѳедоровъ, сынъ Ивановъ, отъ роду, полагаю я, должно быть мнѣ 120 лѣтъ, настоюще же не припомню, крестьянинъ Полковника Василя Ивановича Буренина, Уральскаго казачьяго войска, вѣроисповѣданія Грекороссійскаго старо-обрядческаго, подъ судомъ не былъ, грамотѣ читать и писать умѣю.

Плѣненъ я Киргизами, назадъ тому 15 лѣтъ, за 3 дня до Рождества Христова, во время бытности моей на рѣчкѣ Ямбулатовкѣ, противъ Генварцевскаго форпоста¹⁾ табуномъ лошадей, принадлежащихъ казакамъ и господину моему. Табунъ этотъ также весь угнать былъ хищниками.

По плѣненіи, въ девятый день, былъ я привезенъ въ отдаленныя отъ линіи мѣста, гдѣ были только двѣ Киргизскія кибитки, принадлежащія плѣнителямъ, и проживалъ здѣсь. Вскорѣ за симъ былъ привезенъ туда же плѣненный киргизами Казачій Офицеръ—Иванъ Васильевичъ Подуроръ, Оренбургскаго Казачьяго войска. Этотъ чиновникъ мѣсяца черезъ два куда то былъ отправленъ, а я послѣ него былъ проданъ торговавшему въ Киргизахъ Хивинцу Досъ-Тазику за 104 барана.

Досъ-Тазику увезъ меня въ городъ Гурлянъ, въ коемъ я все проживалъ. Лѣтъ семь назадъ тому я лишился зрѣнія и изъ сожалѣнія былъ выкупленъ отъ Досъ-Тазика на волю за три золотыя монеты плѣнникомъ Кузьмой Глѣбовымъ Шмелевымъ, Астраханскимъ, проживая остальное время у этого Шмелева.

Напоследокъ, по позволенію будто Хана, Шмелевъ, отправляясь въ Россію вмѣстѣ съ посланцемъ Кабылбаемъ, взялъ и меня съ собою и такимъ образомъ я пріѣхалъ сюда (въ Оренбургъ).

Этотъ Шмелевъ теперь здѣсь.

(Архивъ Оренбургской уч. комисіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 10 Ноября 1837 года, стр. 52—53).

*

¹⁾ Такъ назывались прежде передовыя казачьи станицы, представлявшія собою родъ маленькихъ военныхъ укрѣпленій.—С. Н. М.

5) Козьма Глѣбовъ Шмелевъ, 53 лѣтъ, крестьянинъ Графа Дмитрія Александровича Зубова, жительствовалъ Астраханской губерніи, Черноярскаго уѣзда, въ селѣ, называемомъ Поды, вѣроисповѣданія Грекороссійскаго православнаго, въ штрафахъ и подѣ судомъ не бывалъ, грамотѣ не знаю.

Въ плѣнъ взятъ въ которомъ году—не помню, а только знаю что назадъ тому 36 лѣтъ весною, съ Каспійскаго моря, гдѣ производилъ я рыболовство, будучи по найму въ работникахъ. Хозяинъ мой былъ Астраханскій мѣщанинъ Ефимъ Павловъ, съ нами было, кромѣ меня, еще два работника: 1) Иванъ, 1) Григорій, по прозваніямъ и какого званія--не знаю.

Плѣнители наши были Киргизы Черкесскаго рода, 90 человекъ, подѣ предводительствомъ батыря¹⁾ Сенгирбая Караджиштова. Они напали на насъ во время ночи въ весьма недалнемъ разстояніи отъ казеннаго судна²⁾, на которомъ находились 12 человекъ матросовъ, которые, однако, вѣроятно, все спали. По взятіи они привезли насъ на берегъ, въ это время хозяинъ нашъ Павловъ бросился въ воду и какъ она была мелка успѣлъ выйти на сказанное судно и спастся отъ плѣненія, насъ же троихъ раздѣлили: я достался помянутому батырю Сенгирбаю, а прочіе къ кому угодили, не знаю. Пробывъ у него съ мѣсяць, былъ я проданъ пріѣзжавшему въ аулы ихъ для торговли Хивинцу Мятъ-Назару Апану за 150 барановъ. Этотъ Хивинець привезъ меня въ городъ Урганычь и продалъ Хивинцу же Муминбаю Латифову за 55 золотыхъ Хивинскихъ монетъ. Проживъ у сего Хивинца въ неволѣ 19 лѣтъ, потомъ откупился я отъ него на волю, заплати за это 75 золотыхъ монетъ и съ тѣхъ поръ находился уже на свободѣ, проживалъ въ городѣ Гурлянѣ и занимался дѣланіемъ и продажею сундуковъ. Женатъ на дочери плѣнника Антропа Андреева Плотникова (который также нынѣ освобожденъ) по имени Давлетъ, родившейся въ Хивѣ и не крещеной, отъ которой имѣю дѣтей: дочь трехъ лѣтъ и сына одного года.

Нынѣ, предѣ отправленіемъ изъ Хивы въ Россію каравана, прибыли ко мнѣ отъ Хивинскаго посланца Кабылбая люди и меня, тестя моего—вышеозначеннаго Плотникова и крестьянина Полковника Бу-

¹⁾ Батырь—киргизскій партизанъ.—С. Н. М.

²⁾ Казенное судно отправлялось на Каспійское море для охраны рыболововъ, но, какъ видно, не всегда удовлетворяло своей цѣли.—С. Н. М.

(Архивъ Оренбургской уч. арх. комиссін, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 10 Ноября 1837 года, стр. 59—60).

ренина.—Василія Иванова, которыхъ, по старости ихъ лѣтъ, пропиты-
валъ я, взяли и доставили въ караванъ, который находился уже въ
дорогѣ. Жена же моя и дѣти оставлены тамъ, хотя я и просилъ пос-
ланныхъ о взятіи ихъ вмѣстѣ со мною, но они не уважили этого.
Взятыхъ со мною двухъ товарищей видѣлъ я въ Хивѣ у разныхъ
хозяевъ, которые напоследокъ оба тамъ померли.

6) Козьма Ивановъ Лосевъ, 33 лѣтъ, матросъ 45 флотскаго эки-
пажа, въ службу Его Императорскаго Величества вступилъ 1825 года
Апрѣля 16 дня изъ крестьянъ помѣщика Ивана Агарева, Саратовской
губерніи, Петровскаго уѣзда, села Траскина, вѣроисповѣданія Греко-
россійскаго православнаго, въ штрафахъ и подъ судомъ не былъ.

Въ плѣнъ взятъ въ Іюнь мѣсяцѣ 1836 года съ Каспійскаго моря,
гдѣ находился съ лейтенантомъ Гусевымъ, 12 матросами, однимъ
Квартирмейстеромъ и однимъ конониромъ, для охраненія рыбопро-
мышленниковъ, Киргизами Адайскаго (Адаевскаго) рода, бывшими
въ большомъ количествѣ, при чемъ одинъ матросъ Василій Полуниинъ
убить.

По плѣненіи всѣхъ насъ раздѣлили, я достался на часть одного
Киргиза, имя коего—не знаю, который вскорѣ продалъ меня вмѣстѣ
съ однимъ Русскимъ же плѣнникомъ, крестьяниномъ Князя Юсупова,
Петромъ Соколовымъ, Трухменцу Худайназару, по отчеству неизвѣст-
ному. Трухменецъ этотъ привезъ насъ въ Хиву, гдѣ товарища моего
продалъ неизвѣстно кому, а меня отдалъ Хану безъ платы, у кото-
раго и находился я до самаго отправленія меня съ караваномъ въ
Россію, которое послѣдовало слѣдующимъ образомъ: въ одинъ день,
во время нахождения моего въ числѣ 12 человекъ на работѣ, при-
ѣхалъ къ намъ Диванъ-Беги Бекъ-Ниязъ и изъ насъ 6 человекъ, какъ-
то: 1) меня, 2) Ивана Петрова, 3) Ивана Тимофеева, 4) Василія
Игнатъева, 5) Микифора Борисова и 6) сына его Григорія взявъ,
приказалъ привести въ караванъ-сарай, въ которомъ и держали насъ
14 дней. Сюда привезенъ былъ на другой день еще одинъ плѣнникъ
Илья Ѳедоровъ. Во время нахождения нашего въ Караванъ-сараѣ
никого изъ плѣнниковъ къ намъ не допускали для того, чтобы дру-
гіе Русскіе плѣнники не узнали объ отправленіи насъ въ Россію и
не могли бы послать съ нами писемъ или дать изустныхъ порученій,
почему насъ и вывезли оттуда ночью на 15 день и доставили въ
караванъ, въ которомъ до отхода находились мы 8 дней. Денегъ и

ничего у меня отобрано не было, кромѣ того, что небольшое мое имущество осталось въ Ханскомъ домѣ.

(Архивъ Оренбургской уч. арх. комиссiи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 10 Ноября 1837 года, стр. 44—45)

*

7) Василій Астафьевъ Коптягинъ, отъ роду имѣю 82 года, Казакъ Оренбургскаго Казачьяго войска, Чебаркульской станицы, состоящей въ Челябинскомъ уѣздѣ¹⁾; подь судомъ и въ штрафахъ не бывалъ, исповѣданія православнаго Грекороссійскаго, въ службу Его Императорскаго Величества вступилъ въ которомъ году—не знаю, но только помню, что въ тотъ самый годъ, въ который попался въ плѣнъ; грамотъ не умѣю.

Въ плѣнъ взятъ я назадъ тому 55 лѣтъ (а какого мѣсяца и числа—это мнѣ неизвѣстно) во время осени, съ Оренбургской линiи отъ отряда Орловскаго, гдѣ находился я въ лѣтней линейной службѣ на маякѣ²⁾, отстоявшемъ верстахъ въ трехъ отъ этого отряда. Вмѣстѣ со мною плѣнены были тогда одной со мной станицы Казакъ Алексѣй Максимовъ, одинъ гарнизонный солдатъ, имя и прозванiе коего не знаю, и 5 человекъ Башкирцевъ.

Плѣнители наши были Киргизы, какъ припомню, Серкечева рода, до 300 человекъ подь предводительствомъ батыря Алибая, но по именамъ изъ нихъ никого не знаю. Когда вывели они насъ за границу³⁾, то на другой день Башкирцевъ отпустили обратно, отобравъ у нихъ лошадей и одежду, а солдатъ, будучи одержимъ болѣзнію, померъ. Меня же съ Максимовымъ на третій день Киргизы раздѣлили между собою, я достался по раздѣлу помянутому батырю Алибаю, а Максимовъ къ кому угодилъ—не знаю, и съ тѣхъ поръ я его никогда не видалъ и ничего объ немъ не слыхалъ. Алибай отвезъ меня Хивинскаго владѣнiя въ городъ Гурлянъ и продалъ тамъ Хивинцу Ирнаргарь-баю за 50 червонцевъ, у коего находился я 30 лѣтъ. По смерти же онаго, сынъ его продалъ меня въ этомъ же самомъ городѣ Хивинцу Сейтъ-Нязу за 50 же червонцевъ. У сего послѣдняго жилъ я до нынѣ. Когда

¹⁾ Оренбургской губерніи, — С. Н. М.

²⁾ Маяками назывались прежде казачьи сторожевыя вышки, которыя устранились обычно изъ трехъ или четырехъ столбовъ съ помостомъ и длиннымъ шестомъ обитымъ соломой, закигавшейся, когда угрожала опасность. Но и онѣ, какъ видно, не всегда удовлетворяли своей цѣли. — С. Н. М.

³⁾ Т. е. за Оренбургскую линiю. — С. Н. М.

Хивинскій посланецъ Кабылбай собирался отправиться въ Россію, то меня отъ означеннаго Сеитъ-Ніза выкупилъ за полтора червонца Хивинецъ, по имени Куйбакъ и представилъ къ Кабылбаю на дорогѣ, когда онъ отправился изъ Хивы. Выкупъ этотъ учинилъ онъ, какъ я слышалъ, по той причинѣ, что задержаны здѣсь—въ Оренбургѣ—два брата его, по именамъ мнѣ неизвѣстные, за которыхъ онъ долженъ былъ отдать Кабылбаю находящагося у него, Куйбака, Русскаго плѣнника—Господскаго человѣка молодыхъ лѣтъ, по имени Андрея Михайлова, но онъ удержалъ его у себя. Такимъ образомъ упомянутымъ посланцемъ Кабылбаемъ въ числѣ прочихъ привезенъ я сюда—въ Оренбургъ.

(Архивъ Оренбургской уч. арх. комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 10 Ноября 1837 года, стр. 45—47).

*

8) Яковъ Матвѣевъ Соколовскій, отъ роду 60 лѣтъ, изъ Поляковъ бѣжалъ изъ Польши (въ которомъ году не знаю, но будетъ теперь¹⁾ этому лѣтъ 35) въ Россію въ городъ Ковно, а отсюда за неимѣніе вида отосланъ былъ въ Оренбургскую губернію и поселенъ на жительство въ крѣпости Орской. Вѣроисповѣданія Римско-Католическаго, подъ судомъ не бывалъ, грамотъ не знаю.

Проживъ въ Орской крѣпости мѣсяца два, былъ я плѣненъ Киргизами во время купанія на рѣкѣ Уралѣ и увезенъ въ Хивинское владѣніе въ городъ Гурлянъ. Именъ плѣнителей - Киргизовъ я не знаю. Въ Гурлянѣ былъ проданъ я какому то богатому человѣку Сурману-Катагану (вѣроятно, Хивинцу) за 40 золотыхъ монетъ. Черезъ нѣсколько времени этотъ Сурманъ Катаганъ померъ и я достался дѣтямъ его Ядряту и Мадряну. Назадъ же тому 12 лѣтъ откупился я отъ нихъ, заплативъ 40 золотыхъ монетъ и жилъ на волѣ. Имѣлъ я тамъ жену Хивинку Жюлу, съ которою прижилъ двухъ дочерей: Койкулу и Давлюту. На послѣдокъ взяли меня какіе то Хивинцы и привели къ посланцу Кабылбаю, которымъ я привезенъ сюда вмѣстѣ съ другими плѣнниками²⁾. Жена же и дочери остались тамъ³⁾.

(Архивъ Оренбургской уч. арх. комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 10 Ноября 1837 года, стр. 58—59).

¹⁾ Т. е. въ 1837 году.—С. Н. М.

²⁾ Полный списокъ русскихъ плѣнныхъ, возвращенныхъ изъ Хивы въ 1837 году см. въ Русскомъ Архивѣ 1915 года, № 1, стр. 31—33.—С. Н. М.

³⁾ Плѣнникъ этотъ, будучи боленъ, объясняется весьма худо и потому подробнѣе сего показать ничего не могъ. *Примѣчаніе подлинника.*

**Показанія русскихъ плѣнныхъ, возвращенныхъ изъ Хивы
въ 1839 году.**

1) Зовутъ меня Васильемъ Борисовымъ, сынъ Громовъ, отъ роду мнѣ 42 года, вѣроисповѣданія Грекороссійскаго православнаго, Тамбовской губерніи, города Шацка однодворецъ, жительство имѣю близъ означеннаго города въ Стрѣлецкой слободѣ, грамотѣ не знаю.

Въ плѣнъ взятъ я въ Мартѣ мѣсяцѣ нынѣшняго (1839 года) съ Каспійскаго моря, близъ Тюленьихъ острововъ, гдѣ находился для рыболовства, по найму Астраханскаго мѣщанина Ивана Жидкова. Со мною вмѣстѣ находились тамъ на двухъ кусовыхъ лодкахъ¹⁾ и также плѣнены означенный Жидковъ и 7 человекъ другихъ работниковъ, именно: 1. Филатъ Денисовъ 2. Василій Салувьянскій 3. Василій Михайловъ 4. Дмитрій Громовъ 5. Алексѣй 6. Иванъ, по прозванію неизвѣстные и 7. Иванъ Аванасьевъ, отставной солдатъ, а прочіе изъ какого сословія, я не знаю. Изъ этихъ людей Денисовъ, Салувьянскій и Михайловъ прибыли нынѣ вмѣстѣ со мною сюда, а послѣдніе остались въ Хивѣ. При нападеніи на насъ ночью разбойниковъ, коихъ было до 50 человекъ, хотя мы и не спали, но сопротивленія противу нихъ не дѣлали, потому что, при прїѣздѣ ихъ къ намъ, мы сочли ихъ за рыбопромышленниковъ. Плѣнителей по именамъ ни одного я не знаю, но только были они Киргизы и Туркменцы. По взятіи, хищники привезли насъ на берегъ къ Тюкь-Караганскому заливу, въ свои кочевья, гдѣ раздѣлили насъ. Я достался одному киргизу, который вскорѣ продалъ меня Хивинцу по имени неизвѣстному. Этимъ Хивинцемъ и другими его товарищами, которыхъ тамъ²⁾ было весьма много, вѣроятно, для покупки плѣнниковъ, отвезенъ я въ числѣ 29 человекъ Русскихъ, захваченныхъ на морѣ жъ, въ Хиву, гдѣ Ханъ взялъ всѣхъ насъ къ себѣ. Черезъ 12 дней отослалъ онъ насъ въ мѣстечко Ташаузъ, гдѣ находились мы 40 дней и съ недѣлю занимались жатвою хлѣба, принадлежащаго Диванъ-Бегію Бекъ-Ніазу, а болѣе ничего не дѣлали. Назадъ же тому дней 45 привезли къ намъ въ Ташаузъ еще Русскихъ плѣнниковъ (51 человекъ) и всѣхъ вмѣстѣ, при двухъ Хивинцахъ—Ишбаѣ и Сеитѣ и вожакѣ Киргизѣ Ніязѣ, отправили въ Россію. Предъ отправленіемъ выдали намъ, 32 чело-

¹⁾ По словамъ Мельникова-Печерскаго, кусовая лодка—большая ловецкая лодка, рано выходящая на морской промыселъ.—С. Н. М.

²⁾ Т. е. въ киргизскихъ кочевьяхъ.—С. Н. М.

вѣкамъ, плѣненнымъ нынѣ весною, по одному бумажному халату, по одной парѣ сапоговъ, по одной парѣ рубахъ съ подштанниками, по пуду муки и по пуду пшеницы, смолотой на крупу.

Дорогою, во время слѣдованія въ Россію, Хивинцы обходились съ нами весьма хорошо. Ѣхали мы 32 дня на верблюдахъ, которыхъ дано было намъ на двухъ челоуѣвъ по одному; какими мѣстами Ѣхали, я не знаю. Подножный кормъ былъ дорогою хорошъ. Во время пути былъ дождь только одинъ разъ.

При плѣненіи насъ было ограблено собственнаго моего имущества: одинъ овчинный тулупъ въ 14 рублей, одинъ кафтанъ верблюжей шерсти въ 17 рублей, одна пара сапоговъ въ 9 рублей, двѣ пары рубахъ съ подштанниками въ 10 рублей и шапка въ 60 копѣекъ.

Болѣе этого я ничего не знаю, и о намѣреніи и дѣйствіяхъ Хивинскаго Хана не слыхалъ, потому что не находился на свободѣ. Объявивъ сіе справедливо, въ томъ, по безграмотству, дозволяю вмѣсто себя подписаться.

(Архивъ Оренбургской уч. арх. комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 12 Августа 1839 года. стр. 27—28).

*

2) Зовутъ меня Филатомъ, Денисовъ, сынъ Митрофановъ, отъ роду имѣю 26 лѣтъ, вѣроисповѣданія Грекороссійскаго православнаго, крестьянинъ Графини Головкиной, жительство Московскои губерніи, Коломенскаго уѣзда, въ селѣ Сѣверскомъ, грамотъ не знаю.

На счетъ плѣненія моего и освобожденія показываю во всемъ согласнo съ плѣнникомъ Василиемъ Громовымъ¹⁾, потому что въ плѣнъ взятъ былъ я вмѣстѣ съ нимъ. При чемъ присовокупляю, что при плѣненіи меня ограблены хищниками вещи: одинъ тулупъ въ 18 рублей, одинъ полушубокъ въ 17 рублей, одна пара сапоговъ въ 6 рублей, три рубахи и четверо подштанниковъ въ 12 рублей. Въ чемъ, по незнанію грамоты, довѣряю вмѣсто себя подписаться.

(Архивъ Оренбургскои уч. арх. комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 12 Августа 1839 года, стр. 28—29).

*

¹⁾ См. предшествующее показаніе.—С. Н. М.

3) Александромъ меня зовутъ, Логиновъ, сынъ Скворцовъ, отъ роду 48 лѣтъ, вѣроисповѣданія Грекороссійскаго православнаго, грамотъ не знаю, рабочій вѣдомства Илецкаго Солянаго Правленія, жительство до плѣненія имѣлъ въ крѣпости Илецкой Защитѣ¹⁾.

Въ 1821 году посланъ я былъ изъ крѣпости Илецкой Защиты Чиновникомъ Гавриломъ Ивановичемъ (чей же онъ по прованію—я позабылъ) на находившуюся на рѣчкѣ Черной, близъ Чесноковскаго отряда, казенную мельницу, для распилки лѣса, съ однимъ товарищемъ вѣдомства того же Правленія—Иваномъ Семенчукомъ. Не доѣзжая туда версты три, нападшими на насъ неизвѣстными Киргизами 6 человекъ взяты были въ плѣнъ. По плѣненіи они насъ раздѣлили между собою. Я достался одному Киргизу, имя котораго не знаю, который, не останавливаясь ни въ какихъ аулахъ, прямо отвезъ меня Хивинскаго владѣнія въ городъ Гурлянъ и продалъ тамъ за 65 золотыхъ, на базарѣ, Диванъ-Бегію Бекъ-Ніязу, а сей послѣдній увезъ меня въ городъ Хиву, гдѣ я находился у него все время, занимаясь работою. Въ продолженіе сего времени я сдѣлалъ было одинъ разъ побѣгъ, но былъ пойманъ и жестоко наказанъ. Товарища же моего я въ Хивѣ не видалъ, но встрѣтилъ его уже здѣсь²⁾, онъ объявилъ мнѣ, что убѣждалъ отъ Киргизовъ, спустя мѣсяць послѣ плѣненія. Въ первыхъ числахъ Іюня сего (1839) года хозяинъ мой Бекъ-Ніязъ приказалъ мнѣ идти въ мѣстечко Ташаузъ, по прибытіи куда, увидалъ я плѣнниковъ, доставленныхъ сюда вмѣстѣ со мною, съ коими чрезъ нѣсколько времени отправленъ былъ въ Россію. Далѣе о слѣдованіи въ Россію показалъ согласно съ тѣми плѣнниками. Слухи о выступленіи Россійскихъ войскъ въ Хиву дошли, но Хивинскій Ханъ, какъ я слышалъ, не вѣритъ, надѣясь на Бога и на то, что Русскіе Цари никогда не поднимали на Хивинское Ханство своего оружія, и поэтому не предпринимаетъ ничего рѣшительнаго. При отправленіи насъ въ Россію, Диванъ-Бегій Бекъ-Ніязъ говорилъ Хивинцу Ишбаю при всѣхъ плѣнникахъ, чтобы онъ по пріѣздѣ въ Оренбургъ попросилъ Оренбургскаго Военнаго Губернатора³⁾ отъ имени Хана объ освобожденіи хотя человекъ 20 изъ задержанныхъ здѣсь Хивинскихъ купцовъ⁴⁾ и чтобъ за остальными плѣнниками послали въ Хиву Русскаго Чиновника. Тогда Ханъ будто отдастъ не только что старыхъ плѣнниковъ, но даже и

¹⁾ Оренбургской губерніи. С. Н. М.

²⁾ Т. е. въ Оренбургѣ.—С. Н. М.

³⁾ Т. е. Василія Алексѣевича Перовскаго.—С. Н. М.

⁴⁾ Хивинскіе купцы были задержаны въ Оренбургѣ въ Августѣ 1837 года. Въ обмѣнъ на нихъ ханъ и посѣшилъ выслать нѣкоторыхъ русскихъ плѣнныхъ.—С. Н. М.

рожденныхъ отъ нихъ дѣтей. Русскихъ плѣнниковъ находится теперь въ Хивѣ до 1000 человекъ. Изъ нихъ я знаю проживающихъ у моего хозяина Бекъ-Ніяза шесть человекъ, именно: Ивана Егорова, Якова и Григорья Щукиныхъ, Александра, Федота, по прованію неизвѣстныхъ, плѣненныхъ съ Каспійскаго моря, и бѣглаго солдата Ивана, по прованію также неизвѣстнаго; у средняго брата Бекъ-Ніяза, Бабажана,—трехъ человекъ: Ивана, Федота и Николая, неизвѣстныхъ по прованію, и у меньшого брата, Арніяза,—двухъ человекъ: Астраханской губерніи мѣщанина Якова и господскаго человека Василья, по отчеству неизвѣстныхъ. У самаго Хана я знаю плѣнника Василья Лаврентьева, который находится при пушкахъ, и, какъ я слышалъ, назадъ тому лѣтъ 30 бѣжалъ изъ Санктъ-Петербурга отъ какого то господина. Въ послѣдній набѣгъ Хивинскаго Хана на Персидскія владѣнія этотъ Василій Лаврентьевъ пожалованъ отъ Хана пожемъ, съ возведеніемъ его въ Махрямское достоинство. Много ли Хивинскій Ханъ можетъ собрать войска—мнѣ настояще неизвѣстно, но полагаю, что наберется у него воиновъ тысячъ 30. Трухменцы и Каракалпаки преданы Хану до времени: слухи носятя, что они ожидаютъ только прибытія Россійскихъ войскъ, и тогда хотятъ всѣ перейти подъ покровительство ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА; теперь же сдѣлать это они опасаются Хана. Хивинцы, какъ видно, не расположены начинать войну съ Россією, но желаютъ и даже нѣсколько разъ просили Хана возвратитъ находящихся у нихъ Русскихъ плѣнниковъ. Это же назадъ тому года два предлагалъ Хану и братъ его Инакъ, но когда Ханъ не согласился, то онъ, уѣзжая отъ него въ городъ Азаристъ, гдѣ онъ находится начальникомъ, сказалъ, что когда услышитъ о приближеніи Русскихъ войскъ, то встрѣтитъ ихъ на половинѣ пути, и присоединитъ къ нимъ, и будетъ дѣйствовать противъ него и съ тѣхъ поръ Инакъ обращается съ Ханомъ не такъ, какъ съ братомъ, но какъ съ непріателемъ. Болѣе этого я ничего не знаю, причемъ присовокупляю, что при плѣненіи меня ограблены у меня хищниками: кафтанъ желтаго сукна въ 15 рублей, сапоги въ 8 рублей, рубаха съ портами въ 9 рублей и деньгами 50 рублей. Что показалъ справедливо, въ томъ вмѣсто себя довѣряю подписаться.

4) Зовутъ меня Петромъ, Ивановъ, сынъ Литвиновъ, отъ роду мнѣ 38 лѣтъ, вѣроисповѣданія Грекороссійскаго православнаго, въ штрафахъ и подъ судомъ не бывалъ, Оренбургскаго войска служащій казакъ, жителство имѣю въ Островной станицѣ Оренбургской линіи, грамотъ не знаю.

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1832 года я съ казаками одной со мною станицы: Павломъ и Иваномъ Зайцевыми и Дмитріемъ Васильевымъ поѣхалъ въ Пречистенскую крѣпость для продажи арбузовъ и не доѣзжая урочища, Студенцами называемаго, у рѣки этого же названія, около вечерни остановились мы кормить лошадей. Въ это время напали на насъ Киргизы 12 человекъ—какого рода, отдѣленія и какъ ихъ зовутъ, не знаю—противу коихъ мы сдѣлали было сопротивление, но должны были уступить ихъ силѣ, и они взяли насъ въ плѣнъ. Потомъ, перевезя чрезъ Ураль, раздѣлили насъ; я достался одному Киргизу, по имени мнѣ неизвѣстному, который чрезъ 5 дней продалъ меня другому Киргизу, котораго родъ, отдѣленіе и имя также не знаю. Этотъ Киргизъ вскорѣ отвезъ меня въ Хиву, и на базарѣ продалъ Хивинскому Ходжашмахряму за 49 золотыхъ монетъ.

Означенный Ходжашмахрямъ отправилъ меня на хуторъ его, отстоящій отъ Хивы верстахъ въ 30, гдѣ я находился въ работѣ; только прошлаго года предъ Рождествомъ Христовымъ за отданныя мною ему 65 золотыхъ монетъ уволенъ имъ на свободу,—съ полученіемъ отпускнаго письма за Ханской печатью, которое при семъ представляю,—и до отправленія въ Россію находился на томъ же хуторѣ по своей волѣ. Тамъ же, вмѣстѣ со мною проживалъ у Ходжашмахряма плѣнникъ изъ солдатъ, Никита Балабановъ, прибывшій нынѣ въ числѣ прочихъ сюда (въ Оренбургъ). Побѣговъ отъ хозяина своего я не дѣлалъ и наказанъ ни за что не былъ.

Назадъ тому около двухъ мѣсяцевъ пріѣхалъ къ намъ на хуторъ прикащикъ хозяина нашего, по имени неизвѣстный; и взявъ насъ обоихъ, привезъ къ нему въ домъ. Онъ же, объявивъ намъ, что по волѣ Хана отпущены мы будемъ въ свое отечество, отправилъ въ Ханскій домъ, гдѣ по собраніи подобныхъ намъ плѣнниковъ, всего съ нами 48 человекъ, при двухъ Хивинцахъ, Ишбаѣ и Сеитѣ, и вожакѣ—Киргизѣ Ніязѣ отосланы были мы въ Ташаузъ, а изъ онаго съ присоединенными къ намъ 32 человекъ, взятыми въ плѣнъ весною нынѣшняго года, отправлены мы въ Россію. Далѣе о слѣдованіи по тракту объявляю согласно съ прочими плѣнниками и присовокупляю, что выкупившимся на волю и проживающимъ въ Хивѣ Русскимъ плѣнникамъ возвратиться въ отечество не позволяется неизвѣстно почему: точно также и мнѣ по освобожденіи отъ Ходжашмахряма запрещено было уйти куда либо изъ Хивы.

Въ Хивинскомъ владѣніи урожай хлѣба и травъ въ нынѣшнемъ (1839) году довольно хорошъ, но противу прежнихъ лѣтъ хуже; близъ

же самаго города Хивы трава большею частію поѣдена червемъ. Трава въ Хивинскомъ владѣніи сама собою не растеть, какъ у насъ въ Россіи, но весною сѣютъ ее.

Болѣе означеннаго я ничего не знаю, потому что постоянно находился на хуторѣ, и ничего не могъ слышать и видѣть; все же означенное объявилъ справедливо, въ чемъ довѣряю вмѣсто себя подписаться.

(Архивъ Оренбургской уч. арх. комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 12 Августа 1839 года, стр. 159-160).

*

5) Зовуть меня Никитой, Петровъ, сынъ Балабановъ, отъ роду мнѣ 65 лѣтъ, вѣроисповѣданія Грекороссійскаго православнаго, грамотѣ не знаю.

Въ 1810 году изъ государственныхъ крестьянъ Ярославской губерніи, Мышкинскаго уѣзда, деревни Монаревой по очереди взять былъ я въ рекруты и въ Сентябрѣ мѣсяцѣ поступилъ на службу Кавказскаго Отдѣльнаго Корпуса въ 3-ю Гренадерскую легкую артиллерійскую роту рядовымъ; потомъ—не припомню въ которомъ году—переименованъ въ Бомбандиры.

Въ 1827 году, во время войны съ Персіею, рота, въ которой я находился, была въ дѣйствиіи подъ городомъ Эриванью, гдѣ находился и я, и въ одно время посланъ былъ съ 6-ю товарищами на рѣчку, называемую Каменною, для кошенія травы. Тутъ пробыли мы дней 10, а потомъ, при разсвѣтѣ дня, напали на насъ Персіане до 500 человекъ и одного изъ насъ при сопротивленіи убили, а 6 человекъ захватили въ плѣнъ; сверхъ того угнали до 35 артиллерійскихъ лошадей, находившихся на подножномъ корму, и при оныхъ взяли пасшихъ ихъ 2 артиллеристовъ, всего же составилось насъ 8 человекъ.

Плѣненные артиллеристы по именамъ были: 1. Андрей Назаровъ 2. Ѳедоръ Тимоеевъ 3. Демидъ Лукьяновъ 4. Макарь Козловъ 5. Кондратій Селифонтовъ 6. Яковъ Трифоновъ, изъ которыхъ послѣдніе двое, бывши въ Хивѣ, померли, а первые четверо живы у Хана при пушкахъ; послѣднихъ двухъ артиллеристовъ именъ не знаю и они тоже живы и находятся въ Хивѣ при пушкахъ.

По плѣненіи, отправили насъ во внутрь Персіи, потомъ продали Туркменцамъ, а сіи послѣдніе перепродавая изъ рукъ въ руки, наконецъ, весною пригнали насъ въ Хиву и продали разнымъ хозяевамъ: меня купилъ Ходжашмахрямъ за 35 золотыхъ монетъ, а прочихъ кто

именно купилъ, не знаю, но всё они вскорѣ поступили къ Хану, и приставлены къ пушкамъ; я же не изъявилъ желанія быть при пушкахъ, хотя и было предлагаемо мнѣ это, потому что отъ этой должности труденъ выходъ въ Россію.

У Ходжашмахрама жилъ я на хуторѣ, отстоящемъ отъ Хивы верстахъ въ 30, и все время употребляемъ былъ тамъ въ работу вмѣстѣ съ казакомъ Оренбургскаго войска Петромъ Литвиновымъ, съ коимъ объявляю далѣе во всемъ согласно. Показавъ все по справедливости, въ томъ довѣряю вмѣсто себя подписаться.

(Архивъ Оренбургской уч. арх. комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ Августа 1839 года, стр. 60-61).

*

6) Степаномъ меня зовутъ, Екимовъ, сынъ Сидоровъ, отъ роду мнѣ 39 лѣтъ, вѣроисповѣданія Грекороссійскаго православнаго, грамотъ читать и писать умѣю, государственный крестьянинъ Саратовской губерніи, Царицынскаго уѣзда, Погроменской волости, деревни Чарлено-Разной, жительство имѣлъ въ городѣ Астрахани, гдѣ осталась у меня жена и одинъ сынъ.

Плѣненъ я въ Маѣ мѣсяцѣ 1836 года съ Каспійскаго моря, гдѣ находился для рыболовства; по найму Астраханскаго мѣщанина Федора Воронова, на кусовой лодкѣ. Насъ было 4 человекъ; я, одной со мной деревни государственный же крестьянинъ Матвѣй Шулеповъ (онъ при плѣненіи убитъ хищниками и брошенъ въ море), государственный крестьянинъ Харьковской губерніи Титъ, по прозванію неизвѣстный, и Петръ, по отцѣ Филипповъ (кто онъ и изъ какой губерніи не знаю). Плѣнители были Туркменцы до 40 человекъ, на 2-хъ кусовыхъ лодкахъ (по именамъ ихъ я не знаю). Они напали на насъ вечеромъ съ двухъ сторонъ такъ, что мы, не имѣя средствъ уйти, начали было стрѣлять въ нихъ, но они подѣхавъ ближе, выстрѣлили изъ нѣсколькихъ ружей и одного, Матвѣя Шулепова, убили, а потомъ, связавъ насъ, увезли съ собою и высадили на берегъ на Архіерейскомъ Калтукѣ. Тутъ они раздѣлили насъ между собою; я съ Петромъ Филипповымъ достался Туркменцу Атаназару, у котораго пробылъ два мѣсяца. Въ продолженіе этого времени товарищъ мой Петръ бѣжалъ отъ хозяина и, какъ я слышалъ, вышелъ въ Астрахань. Атаназаръ отвезъ меня въ Хиву и продалъ Хивинцу Веиспазачи Маряму въ собственность его дома за 43 Хивинскія золотыя монеты. Въ Хивѣ я увидѣлъ и другого товарища своего, Тита, который и теперь тамъ остался у Хивинца

Авезбая, у котораго находится еще Астраханской губерніи житель Краснаго Яра Семень Васильевъ. Хозяинъ отдалъ меня къ одному мастеру учиться дѣлать телѣги, гдѣ я прожилъ до отправленія въ Россію. Предъ отправленіемъ же хозяинъ, по приказанію Хана, отдалъ меня Диванъ-Бегію Бекніязу, а онъ въ числѣ 30 человекъ Русскихъ же плѣнниковъ отправилъ меня въ мѣстечко Ташаузъ, откуда чрезъ 9 дней отправлены сюда—въ Оренбургъ. На дорогу дали мнѣ только пудъ муки и пудъ же крупы; изъ одежды же ничего не дали. О слѣдованіи дорогою показываю одинаково съ товарищами, вывезенными вмѣстѣ со мною; при томъ присовокупляю, что хозяинъ мой, Хивинецъ Веисъ-Марямъ при отправленіи меня сюда удержалъ принадлежавшаго мнѣ лѣсу караману (для дѣланія телѣгъ) на 90 руб. Плѣнниковъ въ Хивѣ осталось, по словамъ самихъ Хивинцевъ, до 900 человекъ; въ нынѣшнемъ (1839) году привезено до 200 человекъ, изъ числа коихъ у самаго Хана находится до 50 человекъ. Нѣсколько Русскихъ, откупаясь отъ хозяевъ своихъ, живутъ на волѣ и просились у Хана, чтобы отпустилъ ихъ въ Россію, хотя бы за деньги, но онъ не согласился на это. Я слышалъ отъ плѣнниковъ Русскихъ, что нынѣшней весною Ханъ собиралъ охотниковъ изъ Туркменцевъ и послалъ ихъ на Каспійское море для захвата Русскихъ, предоставляя имъ пользоваться имуществомъ, а людей что-бы представляли къ нему. Когда я находился у Туркменцевъ въ кочевьяхъ, то замѣтилъ двухъ Татаръ, отца съ сыномъ, по именамъ неизвѣстныхъ, про которыхъ слышалъ, что они Астраханскіе Татары. Урожай хлѣба и травъ въ нынѣшнемъ году въ Хивѣ былъ хорошъ. Пшеница продавалась по одному рублю пудъ. Въ Хиву пріѣзжали Персидскіе послы съ требованіемъ выдачи всѣхъ Персидскихъ плѣнниковъ, но согласился ли на это Хивинскій Ханъ, неизвѣстно; и по возвращеніи Персидскихъ пословъ слышно было, что и Хивинскій Ханъ отправилъ въ Персію своихъ пословъ. Въ прошломъ году, когда Хивинскій Ханъ отправлялъ въ Персію войско, то просилъ у Бухарскаго Хана помощи, но онъ ему отказалъ. За недѣлю до отправленія насъ въ Россію изъ Ташауза Киргизъ (какого рода и какъ его зовутъ, не знаю) привезъ къ Хивинцу Сеиту, который нынѣ прибылъ съ нами, одного Русскаго въ уплату за состоящее на немъ одолженіе съ такимъ условіемъ, что, если онъ будетъ высланъ въ Россію, то заплатитъ Сеиту деньги. Русскій этотъ остался нынѣ въ Хивѣ въ домѣ Сеита.¹⁾ При плѣненіи у меня ограблено (кромѣ лодки съ припасами, принадлежавшими

¹⁾ За этотъ поступокъ Хивинскаго посланца Сента В. А. Перовскій задержалъ его самаго въ Оренбургѣ.—С. Н. М.

хозяину моему, Воронову, коей я настоящую цѣну не знаю) собственнаго имущества: тулупъ, сапоги, полушубокъ, три пары рубахъ съ портами, два ружья, кошма, шапка и топоръ, а всего на 85 рублей.

Болѣе ничего не знаю, въ чемъ и подписуюсь.

(Архивъ Оренбургской уч. арх. комиссiи, отдѣлъ пограничный, дѣло 12 Августа 1839 года, стр. 171-173).

*

7) Никономъ меня зовутъ, Филиповъ, сынъ Лихановскій, отъ роду имѣю 52 года, вѣроисповѣданiя Грекороссійскаго православнаго, 20-й дивизiи, 39-го егерскаго полка рядовой, грамотѣ не знаю.

Въ 1827 году въ Августѣ мѣсяцѣ находился я въ отрядѣ, бывшемъ подъ начальствомъ Генерала Красовскаго въ Грузiи, около Эчмиадзинскаго монастыря, гдѣ при нападенiи Персiянъ на отрядъ нашъ, взять я съ прочими (въ числѣ 230 человекъ) ими въ плѣнъ и привезенъ въ городъ Тегеранъ, въ коемъ, проживъ мѣсяца два, былъ проданъ неизвѣстнымъ персидскимъ чиновникомъ Туркменцу, по имени неизвѣстному, за 60 Хивинскихъ червонцевъ, а симъ послѣднимъ былъ перепроданъ Хивинскому Кушбегю Мадрасъ, отцу нынѣшняго Кушбегiя Атамрата, у коего я жилъ въ рабствѣ до самаго освобожденiя, а нынѣ, по приказанiю Хана, взять я отъ него и отправленъ въ Россiю въ числѣ прочихъ плѣнниковъ, прибывшихъ сюда. На дорогу дано намъ всемъ по одному пуду муки и по пуду крупъ; одежды же дано мнѣ не было. Слѣдовали мы степью на верблюдахъ 32 дня. Препровождавшiе насъ Хивинцы и Киргизы во время пути притѣсненiй намъ не дѣлали, а только я слышалъ, что Ханъ Хивинскiй отпустилъ имъ денегъ на покупку для насъ всехъ одежды, но они такую дали только 32 человекамъ. Изъ Русскихъ плѣнниковъ въ Хивѣ я знаю крестьянъ: Сызранскаго уѣзда Василья Михайлова, Оренбургскаго уѣзда Матвѣя, Владимiрской губерни, Вязниковскаго уѣзда, Андрея и Матроса Ефима, по прозванiямъ неизвѣстныхъ.

Въ Хивѣ съ Русскими плѣнниками обращаются жестоко. Русскiе товары въ Хивѣ, послѣ задержанiя въ Россiи Хивинцевъ, продаются дороже прежняго. Урожай хлѣба тамъ въ нынѣшнемъ году посредственный.

Болѣе я ничего не знаю, потому что жилъ не въ самомъ городѣ Хивѣ, а за четыре версты отъ онаго—на пашняхъ.

При плѣненіи меня собственныхъ вещей ограблено не было. Что показавъ по справедливости, въ томъ довѣряю вмѣсто себя подписаться.

(Архивъ Оренбургской уч. арх. комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 12 Августа 1839 года, стр. 173—175).

*

8) Савельемъ меня зовутъ, Константиновъ, сынъ Чаплыгинъ, отъ роду мнѣ 62 года, вѣроисповѣданія Грекороссійскаго православнаго, грамотѣ не знаю, крестьянинъ Князя Юсупова, жителство имѣлъ Астраханской губерніи, Красноярскаго уѣзда, въ селѣ Джамбайскомъ.

Въ плѣнъ я взятъ назадъ тому лѣтъ около пятнадцати (но въ какомъ именно году, припомнить не могу) весною съ Каспійскаго моря, гдѣ были для рыболовства на одной кусовой лодкѣ; со мною были и также взяты два человѣка работниковъ: первый Гаврила, по прозванію неизвѣстный, Астраханскій мѣщанинъ, второй—Егоръ Соловьевъ, крестьянинъ князя Юсупова. Черезъ плѣненіе меня понесено убытка на 2050 рублей ассигнаціями, именно: кусовая (лодка) со всѣмъ приборомъ стоила 2000 рублей и одежды было на 50 рублей.

Плѣнители были Туркменцы; ихъ было 25 человѣкъ. Они привезли насъ на Туркменскій кряжъ и раздѣлили по себѣ; по именамъ я изъ нихъ никого не знаю. Вскорѣ потомъ пятеро изъ плѣнителей привезли меня въ городъ Хиву и продали за 60 Хивинскихъ золотыхъ монетъ Хивинцу Ходжашъ-Махряму, у котораго я и жилъ до самаго освобожденія, занимаясь разработкою земли на пашнѣ. Нынѣшнимъ же лѣтомъ, по приказанію Хана, и еще пять человѣкъ изъ находящихся у Ходжашъ-Махряма плѣнниковъ, именно: Петръ Литвиновъ—Оренбургскій казакъ, Никита Балабановъ—полевой артиллеріи солдатъ, Алексѣй Михайловъ—новокрещенный изъ Татаръ, Василій Савинъ—помѣщичій крестьянинъ и Иванъ Лукьяновъ—Черноморскій казакъ взяты отъ него и съ прочими плѣнниками отпущены въ Россію,¹⁾ о прибытіи куда показываю согласно съ ними. У Ходжашъ-Махряма, за освобожденіемъ насъ, осталось еще десять человѣкъ плѣнниковъ (девять мужчинъ и одна женщина), которыхъ я по именамъ настояще не знаю, потому что всѣ вообще плѣнники въ Хивѣ настоящими именами не называются.²⁾ Болѣе сего я ничего не знаю, потому что все почти время жилъ на пашнѣ. Объяснивъ же прописанное справедливо, довѣряю въ томъ вмѣсто себя подписаться.

(Архивъ Оренбургской уч. арх. комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 12 Августа 1839 года, стр. 105—106).

*

¹⁾ Полный списокъ русскихъ плѣнныхъ, возвращенныхъ изъ Хивы въ 1839 году, см. въ Русскомъ Архивѣ 1915 года, № 1, стр. 36—41.—С. Н. М.

²⁾ Курсивъ нашъ.—С. Н. М.

**Письмо Оренбургскаго военнаго губернатора В. А. Перовскаго
къ министру финансовъ, графу Е. Ф. Канкрину.**

Милостивый Государь,

Графъ Егоръ Францевичъ.

Высылка изъ Хивы плѣнниковъ нашихъ (80 человекъ), прибывшихъ въ Оренбургъ въ прошломъ мѣсяцѣ,¹⁾ дала возможность получить положительныя свѣдѣнiя о состоянiи тамошней торговли въ настоящее время; свѣдѣнiя эти, по соображенiю съ имѣющимися здѣсь данными, привели къ выводамъ, которые имѣю честь представить на усмотрѣнiе Вашего Сiятельства, въ надеждѣ, что Вы ихъ, Милостивый Государь, не сочтете незаслуживающими Вашего вниманiя, постоянно обращеннаго на улучшенiе нашей торговли съ Средней Азiей.

Ваше Сiятельство изволите быть извѣстны о причинахъ, вынудившихъ Правительство задержать въ Россiи Хивинскихъ купцовъ. Мѣра эта имѣла непосредственнымъ послѣдствiемъ чрезвычайное возвышенiе цѣнъ на Русскiе товары въ Хивѣ, какъ обнаруживается изъ нижеслѣдующей таблицы, котóрая составлена въ Генварь 1837 года посланнымъ въ Хиву Бухарцемъ.

	Цѣны въ Оренбургѣ.	Цѣны въ Хивѣ.	
		Прежде 1836 г.	Послѣ 1836 г.
Юфть Кунгурская, 10 кожъ.	120 р.	130.	270 р.
Юфть Арзамасская, 10 кожъ.	140.	155.	300.
Квасцевъ пудъ.	8.	12.	40.
Ртути пудъ.	200.	240.	606.
Киновари пудъ.	140.	155.	600.
Кошенили пудъ.	460.	500.	675.
Ситца кусокъ въ 50 арш.	30.	35.	40.
Сахара мелюса пудъ.	45.	50.	68.
Миткаля кусокъ въ 50 арш.	18.	22.	30.
Коленкора 20 шт. по 16 арш.	200.	240.	300.
Чугунъ въ котлахъ 16 пуд.	72.	112.	150.
Желѣза полосоваго пудъ.	4.	9.	15.
Стали пудъ.	7.	12.	20.
Сукна цвѣтнаго половина.	125.	150.	210.
Хлопчатой бумаги пудъ.	24.	12.	6.

¹⁾ Т. е. въ Августѣ 1839 года.—С. Н. М.

Цѣны эти не только удерживаются до нынѣ,¹⁾ но даже на многіе предметы, напр. ютъ, полосовое желѣзо поднялись еще болѣе, не смотря на то, что жители Ново-Ургенча (самаго промышленнаго города Хивинскаго Ханства) вошли въ дѣятельныя сношенія съ Бухарією посредствомъ водянаго сообщенія по Аму до г. Чарджуя и что по настоянію Хана всѣ Бухарскіе караваны насильственно заходятъ въ оба конца въ Хиву для взятія на Коммиссію нѣкоторыхъ Хивинскихъ продуктовъ и для распространенія тамъ части вывозимыхъ изъ Россіи товаровъ.

Между тѣмъ прекращеніе прямыхъ сношеній съ Хивою, столь невыгодное для Хивинцевъ, не только не повредило нашей торговлѣ, но даже какъ будто бы содѣйствовало расширенію ея.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ таможнями, было вывезено:

	1834 года.		1835.		1836.		1837.		1838.	
	Рубли.	К.	Рубли.	К.	Рубли.	К.	Рубли.	К.	Рубли.	К.
Въ Бухарію Товаровъ.	793.152	60	1.051.985	45	1.384.738	10	1.383.133	69	1.167.423	70
монеты.....	60.135	»	10.000	»	194.590	»	142.086	50	496.122	10
Въ Хиву.	68.493	55	97.876	10	57.248	20	»	»	»	»
Всего.	921.781	115	1.159.861	55	1.636.576	30	1.525.220	19	1.663.545	80

Въ 1836 году.		1837.		1838.	
Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
517.342	65	463.234	74	601.560	35
292.124	75	233.272	14	17.562	15
476.704	75	366.481	10	513.684	25

Слѣдовательно, вывезено Бохарцами болѣе, чѣмъ въ 1835 году, на .

Сумма вывоза товаровъ въ 1835 году была менѣ вывоза въ послѣдующіе года на

Вся сумма²⁾ вывоза 1835 года была менѣ всего итога отпуска послѣдующихъ годовъ на

Результатъ этотъ, кажется, ведетъ къ заключенію, что Хива, не будучи значительнымъ мѣстомъ сбыта нашихъ произведеній, но на-

¹⁾ Т. е. до сентября 1839 года.—С. Н. М.

²⁾ Курсивъ вездѣ подлинника.—С. Н. М.

ходясь на перепутьѣ всѣхъ дорогъ изъ Средней Азіи въ Россію, у ключа къ водянымъ сообщеніямъ съ Бухарой и Бальхомъ—по Аму, Ташкендомъ и Коканомъ—по Сыру, заслуживаетъ особеннаго вниманія, какъ опорная точка, для всѣхъ торговыхъ предпріятій Россіи въ Средней Азіи.

Значительность барышей, доставляемыхъ среднеазиатской торговлею, не подлежитъ сомнѣнію. Доказательствомъ сему могутъ служить слѣдующіе примѣры:

Ситець продается на Нижегородской ярмаркѣ отъ 48 до 54 коп. за аршинъ, провозъ до Оренбурга $\frac{1}{2}$ коп., пошлины при вывозѣ взыскивается $\frac{1}{2}$ коп., доставка въ Бухару обходится въ 3 коп., всего расходовъ на аршинъ 5 коп.; продается же онъ тамъ отъ 61 до 71 коп. за аршинъ или по 32 руб. за штуку (отъ 45 до 52 арш.). Слѣдовательно барыша съ аршина 10 коп. или 20 процентовъ.

Нанка при подобномъ расчетѣ даетъ до 30 процентовъ.

Коленкоръ 18 %.

Платки бумажные 33 %.

Платки карманные красные 37 %.

Алое сукно 46 % и другихъ цвѣтовъ 41 %.

Парча мишурная 18 %.

Юфть 29 %.

Воскъ 44 %.

Сахаръ 44 %.

Желѣзо прутковое 6 %.

Полосовое 9 %.

Котлы чугунные $7\frac{1}{2}$ %.

Мѣдь 2 %.

Олово 15 %.

Ртуть 42 %.

Синій купоросъ 75 %.

Выбойка 5 %.

Барыши отъ Азіатскихъ товаровъ:

Пряденная Магаршабская бумага продается въ Бохарѣ по 24 черв. за батманъ¹⁾, т. е. 48 р. за пудъ, пошлина взыскивается Хивой по 1 р. 20 к. съ пуда, провозъ до Оренбурга 5 р., пошлина въ Оренбургъ 4 р., провозъ до Нижняго-Новгорода 2 р., всего расхо-

¹⁾ Батманъ въ Хивѣ и Бухарѣ равняется нашимъ восьми пудамъ (Мельниковъ-Печерскій), а червонецъ ходилъ тамъ въ данное время по 16 рублей, какъ видно изъ приводимаго расчета.—С. Н. М.

довъ на пудъ 12 р. 20 к., продажная цѣна около 80 рублей. Итакъ барышей съ пуда 33 %.

Пряденная Міонкальская бумага даетъ при такомъ же расчетѣ 56 %.

Пряденная Бохарская и Хивинская бумага—53 %, въ хлопкахъ 15 %. Круглымъ числомъ наши товары даютъ 24 %, Азіатскіе—33 %. Слѣдовательно одинъ торговый оборотъ (т. е. отправка и привозъ) даетъ 65 р. на 100 р.

Остается только нерѣшеннымъ вопросъ, до какой обширности можетъ достигнуть эта торговля и не суждено ли ей, по малости круга дѣйствія, навсегда остаться ничтожною?

Должно сознаться, что для положительнаго рѣшенія этой задачи настоящія свѣдѣнія наши о Средней Азіи еще слишкомъ недостаточны, но принимая въ соображеніе:

1) Обширность этого рынка, объемлющаго западный Китай, Ташкендъ, Коканъ, Бадакшанъ, Бальхъ, Бохару и по крайней мѣрѣ транзитный торгъ съ Авганомъ и Лагаромъ.

2) Промышленную дѣятельность, уже тамъ существующую.

Караваны ходятъ ежегодно изъ Кульджи въ Кашемиръ 20 дней; въ Кашгаръ (черезъ Хутанъ, Ярентъ-Аксау) въ 30 дней; изъ Кашгара въ Коканъ въ 23 дня; изъ Кокана въ Туркестанъ (черезъ Ташкендъ) въ 13 дней; въ Бохару въ 21 день: изъ Бохары, равно какъ изъ Кашгара въ Авганистанъ, Самаркандъ, Ташкендъ, Туркестанъ, Бальхъ, Шерваседъ, Фейзабадъ. Сверхъ того отдѣльно между всѣми этими городами.

3) Хотя теперь еще и отдаленную возможность усилить эту дѣятельность улучшеніемъ сообщеній и открытіемъ водяныхъ путей по Сыру и Аму.

4) Существенную потребность для Средней Азіи въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ продуктовъ и возможность для насъ доставлять туда всѣ произведенія дешевле прочихъ Европейцевъ.

5) Выгодность полученія оттуда нѣкоторыхъ товаровъ, какъ то: хлопчатой бумаги, шелка, чая, кубовой краски, индиго, шафрана, перца, цицварнаго сѣмяни, ревеня, бирюзы, лаписъ-лазури, шалей и проч.

6) Постоянное возрастаніе торговли нашей съ Бохаріею среди самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ вражды Хивинцевъ и смуть въ Авганистанѣ.

7) Наконецъ, старанія Англичанъ, опытныхъ въ дѣлахъ торговыхъ, проникнуть сюда черезъ Индію и Персію. Товары ихъ съ 1830 года въ маломъ количествѣ появились уже въ Кульджѣ и Китайскомъ Чарджуѣ и въ гораздо большихъ размѣрахъ въ Бохарѣ изъ Бенареса, и продавались неимовѣрно дешево, напр., кусокъ кисеи въ 27 аршинъ, стоющій въ Россіи до 50 рублей,—9 рублей серебромъ, кусокъ коленкору въ 16 аршинъ (на наши цѣны въ 25 рублей)—по 3 рубля серебромъ, ситець двуличный за 12 аршинъ—12 рублей, что, кажется, очевидно обнаруживаетъ намѣреніе, хотя съ временнымъ для себя убыткомъ, подорвать нашу торговлю.

Всѣ эти причины даютъ право надѣяться, что и по обширности своей торговля съ Средней Азіей можетъ принести значительныя выгоды, но дабы это осуществилось въ пользу Россіи, я смѣю думать, что намъ надлежитъ идти, такъ сказать, на—встрѣчу Азіатцамъ, не ожидая, чтобы они вышли изъ вѣковой летаргіи своей. Необходимымъ же условіемъ этой дѣятельности будетъ, кажется, въ Восточной половинѣ Средней Азіи открытіе непосредственныхъ сношеній съ Чарджуемъ и Кашгаромъ,—въ Западной обезопасеніе пути къ главному рынку здѣшнихъ мѣстъ—Бохарѣ, приобрѣтеніемъ положительнаго вліянія на Хиву и увеличеніе судоходства по Каспію.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и преданностію имѣю честь быть
и т. д.

19 Сентября 1839 года. № 178.

(Архивъ Оренбургской уч. арх. комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 12 Августа 1839 года, стр. 183-186).

Отношеніе Оренбургскаго военнаго губернатора В. А. Перовскаго г. Астраханскому военному губернатору.

Изъ числа доставленныхъ сюда въ прошломъ Августѣ мѣсяцѣ 80 человекъ Русскихъ, бывшихъ въ неволѣ у Хивинцевъ, 23 человека въ отобранныхъ отъ нихъ Оренбургскою Пограничною Коммиссіею допросахъ показали себя жителями Астраханской губерніи, которые поэтому и препровождены Коммиссіею въ тамошнее Губернское Прав-

леніе, за исключеніемъ 9-ти, оставленныхъ на время здѣсь по коншувшейся къ нимъ (sic) надобности.

Имѣя честь сообщить объ этомъ Вашему Превосходительству, равно и о заключеніи Пограничной Коммиссіи, что находящіеся въ числѣ вырученныхъ изъ плѣна помѣщичьи крестьяне на основаніи 705 статьи IX тома Свода законовъ подлежатъ освобожденію изъ крѣпостного состоянія, покорнѣйше прошу Васъ, М. Г., не оставить почтить меня увѣдомленіемъ о распоряженіи, какое будетъ сдѣлано объ упомянутыхъ 23 человекѣхъ, вырученныхъ изъ плѣна, о которыхъ на усмотрѣніе Ваше прилагаю именной списокъ съ означеніемъ состоянія ихъ и мѣстожителства, тагъ же кто изъ нихъ уже отправленъ и кто еще остался здѣсь.¹⁾

21 Сентября 1839 года. № 1118.

(Архивъ Оренбургской уч. арх. комиссіи, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 12 Августа 1839 года, стр. 187).

Рапортъ Оренбургскаго военнаго губернатора В. А. Перовскаго „Господину Управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.“

Въ минувшемъ Августѣ доставлено въ Оренбургъ отъ Хивинскаго Хана 80 человекѣхъ, бывшихъ въ Хивѣ Русскихъ плѣнныхъ, изъ коихъ, по сдѣланнымъ имъ въ Оренбургской Пограничной Коммиссіи допросамъ, 69 человекѣхъ показали себя принадлежащими къ состоянію податному и крѣпостному, а 11 человекѣхъ къ вѣдомству военному; почему Пограничною Коммиссіею и отправлены первые, за исключеніемъ немногихъ, оставленныхъ при Коммиссіи для отобранія отъ нихъ нѣкоторыхъ свѣдѣній, къ Начальству тѣхъ Губерній, жителями коихъ они показали себя, а послѣдніе—къ Начальству Военному.

Сообщивъ объ этомъ Начальникамъ Губерній, равно и о заключеніи Пограничной Коммиссіи, что находящіеся въ числѣ вырученныхъ изъ плѣна помѣщичьи крестьяне на основаніи 705 статьи IX-го тома Свода законовъ подлежатъ освобожденію изъ крѣпостного состоянія, я долгомъ считаю увѣдомить объ этомъ Ваше Сіятельство.

Въ Оренбургѣ.

21 Сентября 1839 года.

(Архивъ Оренбургской уч. арх. комиссіи, отд. пограничный, дѣло отъ 12 Августа 1839 года, стр. 198).

¹⁾ Точно такія же отношенія были посланы В. А. Перовскимъ и всѣмъ другимъ губернаторамъ тѣхъ губерній, изъ которыхъ происходили возвратившіеся ихъ Хивы русскіе плѣнные.—С. Н. М.

Письмо министра иностранныхъ дѣлъ, графа Нессельроде, къ Оренбургскому военному губернатору В. А. Перовскому.

Милостивый Государь,

Василій Алексѣевичъ.

Отношеніе Вашего Превосходительства отъ 21 Августа, коимъ сообщаете о возвращеніи Хивинцами 80 человекъ Русскихъ плѣнныхъ¹⁾ съ препровожденіемъ при ономъ Грамоты отъ Хана Хивинскаго, я имѣлъ честь получить и поспѣшилъ довести до свѣдѣнія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.

Нынѣ въ отвѣтъ на сіе долгомъ поставляю Васъ, Милостивый Государь, увѣдомить, что распоряженія, учиненныя Вами въ послѣдствіе таковой присылки отъ Хана плѣнныхъ и Грамоты съ Посланцами, удостоены вполне ВЫСОЧАЙШАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА одобренія.

Примите увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Гр. Нессельроде.

С. Петербургъ.

29 Сентября 1839-го № 2533.

(Архивъ Оренбургской уч. арх. комиссін, отдѣлъ пограничный, дѣло отъ 12 Августа 1839 года, стр. 199).

Сообщилъ священникъ Николай Модестовъ.



¹⁾ См. „Русскій Архивъ“ нынѣшняго 1915 года, № 1, стр. 34-35.—С. Н. М.